

Ему-то полегчало, но многим другим было не до радости. Женщина с ребятишками принялась рыдать — когда же кончится эта долгая ночь? За ней — старики. Храм наполнился всхлипами. А-Нин попытался утешить:

— Не плачьте пока. Давайте спросим императора: если мужчины на войну пойдут, смогут ли их семьи в Саньшуге остаться? Может, им и земли с хлебом уделят.

— Откуда в городе лишний хлеб? — возразил парень. — Раньше по три лепёшки в день давали, теперь две. Детям и половинки не достаётся. На днях за травами ходил — заглянул в амбары. Пустеют.

Не стало хлеба — значит, голод на пороге. Да ещё и армия Янь у стен. Сердца у всех сжались.

Многие вдруг поняли: каков бы ни был исход этой войны — для них он смысла уже не имеет.

Лян Шу вёл войска вперёд. На горизонте уже проступали стены Саньшуга и жёлтое знамя повстанцев.

Железная конница Великой Янь отливала сталью доспехов, длинные клинки слепили глаза. Хуан Вансян стоял на возвышении, глядя на чёрную лавину вдаль. На нём болтался не по мерке императорский халат, в руке — меч.

Он слышал истории о Лян Шу. Первый генерал Великой Янь. Молод. Жесток. Непобедим.

Когда-то сам он был простым хлебопашцем, слушал за миской похлёбки легенды о том, кто за тридевять земель.

Хуан Вансян кашлянул. В последнее время он смертельно устал. Весь Саньшуй был смраден и грязен — до его небесного царства небесно далеко. Каждый день приносил новые дрязги, лишь ухудшая и без того скверное положение.

У подножия башни послышались шаги, и вскоре привели Лю Сюаньяна. Он сам вызвался осмотреть нового императора. Министры, конечно, полагали, что врача надо бы проверенного, но выбирать в городе было не из кого.

Лю Сюаньянь впервые видел Хуан Вансяна. Смуглый мужчина средних лет, без особой кровожадности в облике. Даже с мечом в руке походил больше на мужика с мотыгой. Он тоже видел вдаль армию Великой Янь, и сердце его на миг дрогнуло.

— Дерзкий! — кто-то рявкнул. — Увидел императора — на колени!

— Не надо, — остановил Хуан Вансян. — Говорят, ты врач искусный. Бессонницу лечишь?

— Лечу. Это у меня лучше всего получается, — ответил Лю Сюаньянь. — Ваше Величество плохо спите?

Хуан Вансян тяжело вздохнул:

— Да.

— Для лечения нужно всё подробно расспросить.

— Спрашивай.

— Бессонница из-за армии Янь?

— Не совсем, — сказал Хуан Вансян. — Я с ними уже много раз сталкивался — спал прекрасно.

— Тогда, может, из-за их полководца?

— Тоже нет.

— Правда? — усомнился Лю Сюаньань.

Хуан Вансян удивлённо на него посмотрел.

— Я слышал, он непобедим, — пояснил Лю Сюаньань.

Хуан Вансян покачал головой:

— Бессонница началась в день коронации. Вестей о Лян Шу тогда ещё не было.

— Значит, от радости не уснули?

— Наглец!

Хуан Вансян ещё не открыл рта, как генералы вокруг вспыхнули. Генерал Юань был громче всех. Не спать от волнения в день восшествия на престол — позорно и мелко. Кто-то тыкнул пальцем в Лю Сюаньяня:

— Я так и знал! В храме смуту сеял, а теперь ещё и императору дерзит! Может, ты шпион яньцев?

Слово «шпион» в военное время натягивает нервы как струны. Тут же зазвенели клинки, выхваченные из ножен. Обычный человек бы задрожал, но второму сыну Лю было всё равно — жив он или мёртв. Оттого и выглядел он спокойным, настолько, что Хуан Вансян спросил:

— Не страшно?

— Я не шпион, — ответил Лю Сюаньань. — Чего бояться?

Хуан Вансян повернулся к крикуну:

— Как он смуту сеял?

— Под видом лечения в храме народ уверял, что война бессмысленна.

— Я не говорил, что война бессмысленна, — поправил Лю Сюаньань. — Я говорил, что молодым и крепким стоит в армию вступить, на север идти — будет в будущем что поесть. Но у большинства родители, жёны, дети — им с войском не поспеть. Останутся они в Сانشуе или в ином городе. Я спросил двух генералов, какие для них меры, а они сказали — никаких. Кто хочет есть — пусть заслужит. А мы, когда в город входили, слышали: присоединишься к императору — и будешь сыт.

Хуан Вансян уставился на генералов.

Один из них, помертвев, выдал:

— Ваше Величество, в городе хлеба уже в обрез, а беженцы всё идут. Мы поток сдерживаем, как можем, но... ртов слишком много.

Хуан Вансян и без того это знал. «Накормить всех» — это он пообещал. На войне лозунг — одно, а вступил на престол в Саньшуйе, стал императором — и лозунг превратился в указ, в задачу, которую обязан выполнить.

Он из последних сил правил новой столицей, учился быть императором. Раньше казалось — ничего сложного: будь справедлив, милосерден, и народ тебя полюбит, и настанет золотой век. А на деле — Саньшуй под его новыми указами лишь грязнее да беспорядочнее становился.

И местные, кажется, ненавидели его куда сильнее, чем яньцев.

Никто не мечтал променять преданность на ненависть. Всё вышло не так, как он думал.

И тут Лю Сюаньань спрашивает:

— Почему вы поток беженцев сдерживаете? Они с надеждой пришли, ничего лишнего не просят — только поесть. Разве это сложно?

Разве это сложно?

Раньше Хуан Вансян считал — нет. Думал, голодал он потому, что на родине чиновники воровали, хлеб народу не выдавали. Значит, будь честен — и проблема решена. Теперь же он понял: накормить каждого — задача невероятная.

А Байхэ... Байхэ была как зверь с разинутой пастью. Будь он даже волшебником, как в сказках, — разделись он на тысячи, на миллионы Хуан Вансяней и кинулся в реку — и то толку не было.

Ему никогда не обуздать Байхэ.

Так же, как никогда не стать ему хорошим императором.

Лю Сюаньань глянул вниз со стены:

— Армия Янь уже близко.

И спросил Хуан Вансяна:

— Ваше Величество, как поступите с тысячами людей у ворот?

Хуан Вансян последовал его взгляду.

Горожане, прослышав о приближении яньцев, запаниковали. Они столпились у ворот, тесня регистратора, требовали впустить. Чиновник выхватил меч, кричал — не помогло. Послал на стену гонца: как быть с бунтом?

— Ваше Величество! — сказал Юань Цзун. — Пускать нельзя! Во-первых, хлеба не хватит. Во-вторых, кто их разберёт — свои ли, шпионы ли? Если шпионы — беда.

Резонно. Но Лю Сюаньань спросил:

— А если они и вправду беженцы?

Если беженцы — оставить их меж двух армий... Что с ними будет — ясно как день. Именно потому Юань Цзун и другие генералы об этом молчали, твердя лишь о вреде впуска. А Лю Сюаньань взял да и выложил всё на стол.

Юань Цзун взорвался:

— Императору врач больше не нужен! Убирайся!

<http://bllate.org/book/16268/1464418>